



Татьяна Устинова — первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

Сериял «Тонечка Морозова»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Каменя из Ватикана

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна
УСТИНОВА

Каменя

из Ватикана



2 0 2 1

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Оформление серии *Д. Сазонова*

Редактор серии *А. Антонова*

Иллюстрация на обложке *В. Лебедевой*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Каменя из Ватикана / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-155062-2

Когда в одночасье вся жизнь переменялась: закрылись университеты, не идут спектакли, дети теперь учатся на удаленке, и из Москвы разъезжаются те, кому есть куда ехать, Тонечка — деловая, бодрая и жизнерадостная сценаристка, и ее приемный сын Родион — страшный разгильдяй и недотепа, но еще и художник, оказываются вдвоем в милом городе Дождеве.

Однажды утром этот новый, еще не до конца обжитый, странный мир переворачивается — погибает соседка, пожилая особа, которую все за глаза звали «старой княгиней». И еще из Москвы приезжает Саша Шумакова — теперь новая подруга Тонечки.

От чего умерла «старая княгиня»? От сердечного приступа? Непохоже, слишком много деталей указывает на то, что она умирать вовсе не собиралась...

И почему на подруг и священника какие-то негодяи нападают прямо в храме?!

Местная полиция, впрочем, Тонечкины подозрения только высмеивает. Может, и правда она, знаменитая киносценаристка, зря все напридумывала?

Тонечка и Саша разгадают загадки, а Саша еще и ответит себе на сокровенный вопрос... и обретет любовь!

Ведь жизнь продолжается.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-155062-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Проклятая маска норовила сползти с носа, пришлось то и дело ее поправлять. Нелепые завязки пу- тались в волосах — медицинских масок на резинках нынче не достать. Пришлось купить самопальные — сложенную в несколько слоев марлю с приторочен- ными веревочками.

Возле дома старой княгини маска совсем развяза- лась. Тонечка плюхнула на траву пакеты, размяла за- текшие пальцы в синих резиновых перчатках и стала копать в волосах, пытаясь выудить из кудрей хлип- кие завязки.

— Зараза!..

— Теть Тонь, вы чего?

— Ничего, — пропыхла Тонечка. — Маска сва- лилась, чтоб ее!..

Парень на велосипеде смотрел на нее малость свы- сока — ему понаехавшие москвичи в масках, перчат- ках и очках казались идиотами. У него самого маска была завязана на щетинистой шее — на тот случай, если менты или какие-нибудь рьяные дружинники прицепятся. А спортивные перчатки с полупальцами всегда при нем, сойдет!

И требования все выполнены! Маска — вот она, перчатки на месте.

— Может, подмогнуть, тетя Тонь?

— Да я пришла почти.

Она бы и согласилась, чтоб «подмогнул», но ее до- нельзя раздражало обращение «тетя Тоня» из уст ве-

ликовозрастного парня, у которого в плечах косая сажень и борода как у дьякона!.. Он работал водителем при больнице и подрабатывал извозом. Пару раз Тонечка ездила с ним в Тверь купить то, чего было не достать в Дождеве, — свежую клинскую колбасу, креветки, всякие излишества.

Тонечка зацепила маску за ухо и махнула парню:
— Езжай, Коль, спасибо!

Парень, нажав на педали, рванул с места, покатил и поднял велик на дыбы — как пить дать фасонил перед «тетей Тоней»!

Тонечка вздохнула.

Жизнь изменилась в одночасье, и привыкнуть к этой новой было сложно.

Принимаясь за пакеты, она кинула взгляд на дом старой княгини и замерла.

Старуха стояла возле окна — шторы она никогда не задергивала — и неотрывно смотрела на Тонечку.

— Добрый вечер, — пробормотала столичная сценаристка испуганно. Разумеется, неподвижная старуха за окном не могла ее слышать, и Тонечка решила на всякий случай поклониться.

Она произвела некое неловкое движение туловищем и даже попыталась шаркнуть ногами.

Старуха не шелохнулась.

Тонечка собрала ручки многочисленных пакетов и потащила дальше.

Следующий за старухиным участок пустовал, как видно, хозяева не смогли вырваться из зачумленной Москвы, а уж там и Тонечкин дом.

Она попой толкнула калитку, взволокла поклажу на высокое крыльцо, выхватила из кармана брызгалку, щедро обработала перчатки и ручки пакетов и наконец-то стянула маску.

...Вот как к ней привыкнуть, к этой новой реальности?!

Она почти разгрузила пакеты, когда со второго этажа скатился Родион, за ним припрыгало собакообразное насекомое с раскидистыми ушами и улыбкой на черной с подпалинами морде.

— Я же тебе сказал, что сам в магаз схожу! — с ходу начал атаку мальчишка. — Раз сказал, значит, сделал бы!..

— Чем ужинать будем?

— Мне папа велел, чтоб я за тобой смотрел! А как за тобой смотреть, если ты не слушаешься?!

— Ночь скоро, — миролюбиво заметила Тонечка. — А есть хочется уже сейчас. Смотри, на выбор макароны с сыром, гречка с котлетами, у меня фарш остался. Могу картошки с грибами нажарить, я замороженных опят купила.

— А что быстрее?

Тонечка усмехнулась. По всему видно, есть хотелось не ей одной.

— Все быстро! Я ловкая, ты же знаешь.

Родион посмотрел на мачеху.

Она правда была ловкой и... веселой. После детского дома, в котором он прожил, считай, десять лет, ему очень нравилось, что с родителями, с отцом и мачехой, всегда весело. Не то чтоб они то и дело представляли сценки или рассказывали анекдоты, но как-то так себя вели, что с ними было интересно и не страшно, что вот-вот поругаются и все кончится!..

Родион выбрал котлеты с макаронами, а Тонечка возразила, что раз котлеты, значит, с гречкой, и принялась за дело.

— А вкусного купила?

Вкусным считались ванильные сухари, обсыпанные сахаром, маковые сушки, мармелад — чем рези-

новой, тем лучше, — овсяное печенье, соломка и всякое такое.

Тонечка заверила, что купила, но до ужина ничего не даст, чтоб не перебил аппетит.

— Тоня, я же не маленький! — возмутился Родион. — Мне семнадцать будет!

— Даже когда тебе стукнет пятьдесят восемь, ты должен помнить, что набивать живот сладким вредно.

Она сама сейчас с удовольствием вместо гречки съела бы пирожное «Картошка» — две штуки — и запила тремя стаканами чаю, но никак нельзя. Во-первых, дурной пример для Родиона. Во-вторых, в магазин «Рублевочка» пирожных «Картошка» не завозят.

...Надо же было так назвать продуктовую лавку в центре города Дождев Тверской губернии! Прямо какой-то литератор называл, стилист!.. Тут тебе и намек на шикарную жизнь — Рублевка, не что-нибудь! — и на дешевизну — рублик, всего ничего! И звучит ласково.

Родион подхватил с пола собакообразное существо, которое выписывало вокруг них кренделя и вензеля, поцеловал в морду, немного смутился и пристроил свою худосочную задницу на столешницу, почти что в миску с фаршем.

— Куда ты сел, слезай сейчас же!..

— А старую княгиню зовут Лидия Ивановна, — сообщил Родион. — Она раньше в Москве жила, а теперь здесь, в Дождеве.

— Откуда ты знаешь?

— Сама сказала! Она сегодня опять на ручей ходила.

По невесть когда установленному неписаному закону жители всех трех домов вдоль ручья выходили к воде через Тонечкин участок. На берег вела узорная

чугунная калиточка, обычно закрытая на проволочный крючок. В заборах в самом дальнем конце участков тоже были калитки, вообще ни на что не закрытые, а всегда настежь распахнутые. Старая княгиня являлась дважды в день, Тонечка видела ее из окна. Она проходила вдалеке, не глядя по сторонам, некоторое время возилась с крючком, выходила к ручью и усаживалась на скамейку под березами. Сидеть там она могла сколько угодно, иногда час, а когда потеплело, то и дольше!

Родион то и дело бегал рисовать ручей, березы, траву, калитку, скамейку — он вообще или ел, или спал, или рисовал, засадить его за уроки не было никакой возможности, особенно сейчас, когда всех разогнали на удаленку.

— Она спросила, что я рисую, и я ей показал, она сказала — хорошо, — продолжал Родион. — И про Буську спросила, что за порода. Я сказал, что пражский крысарик, а она сказала, что Прага вообще загадочный город.

— Загадочный? — переспросила Тонечка машинально.

Она пыталась порезать огурец, но дело не двигалось — только она отрезала кружок, как Родион выхватывал его и съедал, смачно хрупая. Она бросила резать и сунула оставшиеся пол-огурца мальчишке. Родион помычал благодарственно.

— Тонь, а папа приедет?

— Кто его знает.

— И ты не знаешь?!

— У него же люди работают. То есть сейчас как раз не работают, вся работа остановлена. Ему нужно придумать, чем платить, где денег добыть. Пока не придумает, не приедет.

— А он придумает? — с тревогой спросил Родион.

Ему требовалось, чтоб Тонечка его успокоила. Как жить, если ни она, ни даже отец не знают, что дальше?..

— Придумает, — сказала Тонечка, все поняв. — Он очень умный. Садись, котлета готова. Ты собаку кормил?

Родион возмутился:

— Ты же знаешь, собаку я кормлю всегда в шесть часов!

...Это правда. Безалаберный мальчишка вполне мог проспать школу, завтрак, репетитора, онлайн-урок, но накормить свою собаку никогда не забывал.

— Еще она спросила, чей я, а я сказал, что Германов, — продолжал Родион, сгорбившись над котлетой. Он хватал куски, обжигался, выплевывал и дул на них.

— Веди себя прилично, — велела Тонечка. — Какой-то странный вопрос, чей! Ты же не собака!

— Ну-у, она так спросила: мальчик, ты чей? Я и сказал. Еще я хотел ей показать, как я ее нарисовал, но у меня альбомы в доме, завтра покажу.

— Ты ее тоже рисовал?

Родион покивал:

— Она такая красивая! И одета странно.

Тонечка все никак не могла привыкнуть, что ему нравится не то, что другим! Ему нравились покосившиеся заборы, букашки, лужа, припорошенная цветочной пылью, воробей, склевавший дождевого червяка, провалившиеся мостки у ручья. Вот старуха понравилась тоже...

Тонечка постоянно чувствовала тревогу. Ей казалось, что она должна... защищать и оберегать мальчишку. От всего. Человек, которому нравятся воробьи, собаки и старухи, сам себя защитит и уберечь не сможет...

Она подложила ему еще котлету, и он заглянул в сковородку, осталось или нет.

Оставалось три штуки, вот красота!

— А что к чаю?

— Вареная свекла с медом.

— Что, правда? — У Родиона вытянулось лицо.

Тонечка вздохнула.

— Лимонные дольки, халва, сушки и две разные шоколадки.

— С орехами?

— Одна с орехами.

Это было совсем другое дело, и Родион великодушно предложил поставить самовар.

Иногда они так развлекались по вечерам — пили чай из самовара. С ним приходилось довольно долго возиться, иногда он напрочь не желал растапливаться, капризничал, но к сегодняшнему пиру самовар был просто необходим, и Тонечка согласилась.

Она помыла посуду, прислушиваясь к тому, как мальчишка тюкает перед крыльцом топориком, пытаясь наколоть щепок, взглянула в окно, отвела глаза и посмотрела еще раз.

На соседний участок, который пустовал с самого начала карантина, вползал черный «Мерседес», ворота были распахнуты. Выходит, хозяева все же приехали.

Должно быть, хорошо, что приехали. С тех пор как всех разогнали по квартирам и дачам — на самоизоляции! — Тонечка почти не видела людей, и к этому привыкнуть было даже труднее, чем к перчаткам и маске. С другой стороны, непонятно, вдруг они привезли из Москвы эту самую заразу, а общительный Родион то и дело забывал и про маску, и про перчатки. Здесь, среди тверских лесов и болот, никакой «особый режим» не объявляли, но Тонечка все равно беспокоилась — мало ли...

Она накинула на плечи облезлую жилетку из странного меха, именуемую в семье «позорный волк», и вышла на крыльцо. Родион прилаживал к самовару трубу, отворачивался от дыма, закрывался локтем, собака бегала вокруг, то и дело от восторга припадая на передние лапы.

...Как хорошо, подумала Тонечка, что она догадалась взять Родиону собаку!.. Они как-то сразу оказались вдвоем, вместе, парой! Вместе привыкали к московскому быту, вместе прилаживались к семье, вместе осознавали, что теперь есть и отец, и мать-мачеха, и брат, и сестра, и дед-генерал, и бабушка Марина!..

После детского дома в Угличе такие перемены давались нелегко, но вместе, вдвоем всегда проще и лучше!

Над дальним концом участка, над ручьем, висела низкая снеговая туча — даром что май на пороге! Нынче все смешалось, не стало ни зимы, ни весны, сплошное безвременье. Солнце из-за края тучи подсвечивало едва зазеленевшие березы, и свет был тревожный, беспокойный.

Родион наконец приладил трубу, из нее сразу повалил густой белый дым и хорошо запахло разогретой смолой.

Мальчишка игогокнул, понесся по лужайке, крошечная собака, как на стрекозиных крыльях, полетела за ним.

— Смотри, какое солнце! — прокричал Родион издалека. — Дай мне альбом, я нарисую быстро.

— Не дам, — отозвалась Тонечка с крыльца. — Ты проспишь самовар, и мы чаю не попьем!

...Хорошо, что участок есть! В московской квартире на этом самом карантине все бы с ума сошли.

Впрочем, бо́льшая часть детей осталась как раз в квартире — Настя и Даня уехать не смогли. Старый

дом никакими новинками современной техники оборудован не был, интернет еле шевелился. Тонечке, чтобы Родион хоть как-то учился на удаленке, приходилось мудрить, раздавать сигнал с телефона, метаться по комнатам, выискивая угол, где стабильный прием. Настя училась в театральном и с первого же дня карантина просиживала за компьютером днями и ночами — особенно занятно было наблюдать уроки по сценическому движению, когда Настя перед компьютером выделывала немислимые па, а педагог из монитора оценивал, насколько удачно у нее получается. Даня бесконечно бубнил на суахили, писал и сдавал контрольные и курсовые — он в университете осваивал «басурманский язык», как формулировал его отец и по совместительству муж Тонечкиной матери Марины Тимофеевны.

Тонечка улыбнулась.

...Вообще в семейном древе Германов — Морозовых — Липницких легко заблудиться и пропасть!

Кто бы мог подумать еще два года назад!

Жили-были три девицы — бабушка Марина, дочка Тонечка и внучка Настя. Жили-поживали, добра никакого особенно не наживали, им это и в голову не приходило. В одночасье все изменилось. На их терем-теремок в Немчиновке надвинулись странные и невероятные события, и, главное, откуда-то появилась целая куча разных мужчин!.. Бабушка Марина вышла замуж за генерала Липницкого, который прибыл в ее жизнь вместе с сыном Даней. На Тонечке женился знаменитый продюсер Александр Герман, а потом нашелся его сын Родион, и в кроне семейного древа все ветви окончательно и бесповоротно запутались!..¹

¹ Об этом читайте в романах «Серьга Артемиды» и «Пояс Ориона».

Даня как-то сразу стал братом Насте, хотя его сестрой должна была считаться Тонечка, Родион через неделю после воссоединения с семьей стал называть Марину бабушкой, а генерала — дедом, хотя ни один, ни второй вообще не были ему родственниками!.. Детдомовского мальчишку благополучные и сытые московские дети старательно опекали, но... не слишком им интересовались. Они были от души заняты собой, своим образом жизни, друзьями, учебой. Александр Герман к появлению сына, о котором он шестнадцать лет ничего не знал, относился словно с изумлением.

Этот новый сын учился из рук вон плохо, в московской школе почти не тянул, зато постоянно рисовал — его комната как-то моментально превратилась в свалку из альбомов, тюбиков и банок с красками, карандашей, разрозненных листов александрийской бумаги, обрывков, клочков, яблочных огрызков, конфетных бумажек, невымытых кружек и мятой одежды. Вещи мальчишку вообще не интересовали.

Зато интересовала еда. Он безостановочно ел и, кажется, только худел — щеки у него совсем ввалились, еще длиннее стали тонкие, как щепки, руки, вытянулась и без того гусиная шея.

Самым главным его другом была собака Буся, и сразу следом за ней — Тонечка.

— Родька, смотри за самоваром! — крикнула Тонечка в сторону лужайки, по которой наперегонки носились мальчик и собака.

И посмотрела на соседний участок.

Машина стояла на плиточном пяточке перед домом, над крыльцом горела лампочка, свет ее терялся и таял в вечернем солнечном сиянии.

...Интересно, кто же это приехал?..

Дом в Дождеве принадлежал давно покойным родителям ее мужа, Тонечка раньше никогда здесь не

жила и соседей не знала. Величественную старуху, обитавшую через дом, они с Родионом называли старой княгиней, так ее окрестила Тонечка, а когда мальчишка спросил почему, приволокла ему первый том «Войны и мира». Родион моментально заскучал, стал оглядываться по сторонам и предложил помыть посуду. Тонечка два вечера убила на пересказ эпопеи своими словами, и только потом догадалась включить ему английский сериал.

В английском сериале всех главных героев играли молодые артисты, и Родион постепенно втянулся, но смотрел «Войну и мир» как неандерталец или англичанин — никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, кто на ком женится и не разорится ли Пьер.

Состояние финансов Пьера казалось Родиону гораздо важнее, чем его масонские искания!..

После того как убили Петю Ростова, Родион наотрез отказался смотреть дальше, и Тонечке пришлось брать его измором, убеждая, что после все пойдет как нельзя лучше, и обещать в обмен на просмотр пирог с мясом.

Насилу одолели.

Оказывается, старую княгиню зовут Лидия Ивановна — вполне подходящее имя.

Тонечка зашла в дом, поставила на круглый стол чашки и «вкусное», о котором мечтал Родион, и позвонила мужу.

— Я занят, — сообщил телефон мужниным голосом, едва прекратились гудки. — Я на работе.

— Бог в помощь, — отозвалась Тонечка.

Родион втащил плюющийся кипятком самовар, водрузил его на подставку и спросил, как там папа.

Тонечка проинформировала, что папа на работе. Занят.